

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН

Пушкин и «Невский альманах»

заметки к теме

Заявленная тема могла бы послужить предметом обширного историко-литературного исследования, но я собираюсь затронуть лишь небольшую ее часть. Речь пойдет о пушкинском стихотворении «Н. Н.», известном более по его первой строке: «Примите „Невский альманах“...». При жизни поэта оно было опубликовано два раза, планировалось в составе неосуществленного собрания стихотворений 1836 года, неизменно включалось почти во все собрания сочинений, начиная с посмертного издания, — и все же существует как бы на периферии творческого наследия Пушкина, редко становясь объектом внимания ученых. Почти четверть века назад ему посвятил отдельную статью В.П. Старк¹, где собрал и систематизировал почти весь накопленный к тому времени небогатый материал о нем, сделав попытку локализовать датировку и определить адресата. Мне же хотелось бы добавить ряд наблюдений, несколько расширить биографический и литературный контекст этого стихотворения, точнее определить его место в пушкинском творчестве.

При первой публикации, осуществленной в самом конце 1825 года (о месте публикации будем говорить ниже), стихотворение имело следующий вид:

Н. Н.

Присылке ей Невского Альманаха.

Примите Невский Альманах.

Он мил и в прозе и в стихах,

Вы тут найдете Полевова,

Василья Пушкина, ...кова;

К.... дальный ваш родня

Украсил также книжку эту;

Но не найдете вы меня:

Мои стихи

ПУШКИН И «НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ»

Мои стихи скользнули в Лету. —
Что слава мира?.. дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но кажется мне трудно тоже
Попасть и в этот Альманах.

Затем Пушкин перепечатал его в «Стихотворениях» 1829 года (поместив в отдел стихотворений 1825 года) с небольшими, но принципиальными изменениями, придавшими ему иной смысл и звучание: было завуалировано имя Полевого (стало: «* * * ова») и четвертая строка заменена на: «Вел * * *, Х * * * ова...» (то есть: «Великопольского, Хвостова»)². Это решение создало одну проблему, которую мне хотелось бы здесь лишь обозначить, не останавливаясь на ней подробно. Дело в том, что почти во всех изданиях Пушкина стихотворение печатается именно в такой редакции, но с датой первой публикации³. Резонно задать вопрос: насколько корректно помещать среди стихотворений 1825 года текст, несущий следы полемики 1828 года и отражающий литературные и творческие отношения Пушкина именно этого времени? Возможно, в новом академическом Полном собрании сочинений Пушкина следует напечатать две редакции этого стихотворения подряд, как это было сделано с переработанными впоследствии лицейскими стихотворениями или одой «Вольность».

Обратимся к первой редакции пушкинского послания, а также напомним факты биографии поэта, послужившие поводом к его созданию. Необходимо также сказать несколько слов о литературной ситуации того времени.

В первой половине 1820-х годов в России постепенно начала меняться издательская парадигма. С появлением в 1823 году первой книжки «Полярной звезды» А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева на авансцену литературного процесса вышел альманах. В течение последующих десяти лет именно вокруг альманахов будут сосредотачиваться лучшие литературные силы, именно они будут пользоваться неизменно благосклонным вниманием читающих людей.

Издание альманахов сколько приятно для публики, столько и полезно, — писал в начале 1825 года П.А. Плетнев. — Обыкновенно для *нового года* надобны бывают подарки. Без сомнения, лучше всего подарить кому-нибудь книжку. Она долее займет внимание, больше принесет пользы, никогда не потеряет своей цены и не выйдет из моды, подобно другому подарку. С другой стороны, каждый альманах столько же занимателен в литературном отношении, как выставка художественных работ в отношении к изящным искусствам. Каждогодно предлагается публике несколько образцов, по которым она может судить о направлении вкуса и ума современных писателей⁴.

Очевидно, что с мнением Плетнева было согласно большинство русских читателей.

Неудивительно, что при таком отношении публики издатель альманаха мог рассчитывать на солидный барыш. По разным сведениям, успешный альманах мог приносить от четырех до восьми тысяч рублей чистого дохода⁵. К тому же для издания альманаха не нужно было специального разрешения, а его составление не предполагало постоянных, систематических хлопот, которых требовал журнал. Поэтому уже к середине 1820-х годов количество альманахов резко увеличилось⁶, и их стали издавать оборотистые, но зачастую далекие от литературы люди, собиравшие материал для книжек по своим знакомым или перепечатававшие ранее изданные сочинения.

Коммерциализация издательского дела неизбежно вела к формированию литературного рынка, с возникновением которого стало возможно появление понятий литературной собственности и авторского права. Еще в 1810 году С.А. Ширинский-Шихматов гордо восклицал: «За плату не пишу стихов, / Восторг наемника бездушен»⁷, но прошло немногим более десяти лет, и пушкинское четверостишие «Стишки любимца муз и граций / Мы вмиг рублями заменим / И в пук наличных ассигнаций / Листочки ваши обратим...» выглядит не как шокирующее откровение, а как простое описание цивилизованных отношений между поэтами и книгопродавцами. Но эти отношения были приняты далеко не всеми и далеко не сразу. Известны многочисленные случаи контрафактных перепечаток произведений Пушкина и других популярных литераторов того времени. Потребовалось время, чтобы подобная практика перестала считаться нормой, а стала восприниматься как бесстыдный разбой.

Нет сомнения, что литературные произведения составляют имущество столько же неприкосновенное, как и всякое иное движимое и недвижимое имение, — писал в 1826 году «Московский телеграф». — Охранение оно, по крайней мере до истечения определенного времени, есть дело правительства, и хищник литературный, не менее как и всякий другой грабитель, преследуем будет полицією. Утверждают, что у нас по сему предмету нет еще точных постановлений. Если так, то похищение литературное подлежит суду на основании общих узаконений⁸.

Здесь любопытна сама постановка проблемы: автор этой статьи обращается не к совести книгопродавцев, а апеллирует прямо к правительству, которое не торопится юридически оформлять право литературной собственности.

Но вернемся на два года назад.

В начале 1824 года Бестужев и Рылеев отказываются от услуг книгопродавца И.В. Слёнина и объявляют, что «Полярную звезду» на следующий

следующий, 1825 год они будут издавать сами. Почти сразу же Слёнин делает предложение А.А. Дельвигу взяться за подготовку нового альманаха, получившего название «Северные цветы», и получает согласие. Известие об этом было опубликовано 3 марта⁹. И Бестужев, и Рылеев, и Дельвиг уже не новички в литературе, они пользуются уважением коллег по цеху и, привлекая их к сотрудничеству, надеются прежде всего на личные связи.

К концу года в прессе появляются анонсы готовящихся альманахов. Кроме «Полярной звезды» и «Северных цветов» в ноябре анонсированы «Русская Талия» (драматический альманах, издаваемый Булгариным) и «Русская старина» (исторический альманах, издаваемый Корниловичем). На все альманахи была объявлена подписка у крупнейших книгопродавцев, и можно не сомневаться, что публика с нетерпением ожидала их выхода.

В ожидании пребывал и уже полгода находившийся в михайловской ссылке Пушкин: это чувствуется по его переписке. «Присылай мне *Старину*: это приятная новость. Торопи Дельвига...» — пишет он брату 4 декабря 1824 года. «Жду Пол.<ярной> Звез.<ды> с нетерпением...» — это из письма Рылееву от 25 января 1825 года. «Да пришлите же мне *Старину* и *Талию*, господи помилуй не допросишься» — это опять брату, письмо от 23 февраля¹⁰. Как видим, уже вышедшие к тому времени «Русская старина» и «Русская Талия» еще не добрались до Михайловского, «Полярная звезда» запаздывала, а «Северные цветы» были получены и внимательно прочитаны еще в январе — пауза становилась все длиннее, и Пушкин имел право быть нетерпеливым.

Можно представить себе его реакцию, когда в середине февраля он неожиданно получил небольшую, в формате «Северных цветов», книжку, на титуле которой значилось «Невский альманах на 1825 год. Изданный Е. Аладьиным», простодушно присланную ему издателем¹¹.

К моменту выхода «Невского альманаха» Егор Васильевич Аладьин мог считаться новичком в литературе: в его послужном списке были только отдельно изданная в 1821 году и прошедшая совершенно незамеченной аллегорическая поэма «Союз Любви и Славы. Быль в баснословном рассказе» (СПб., 1821) и одно стихотворение, опубликованное в том же году с неполной подписью в журнале А.Е. Измайлова «Благонамеренный». Аладьин приехал в Петербург в 1820 году из Курска, с 1823 года служил чиновником особых поручений в казенной палате. Все шло к тому, что он так и остался бы случайным человеком в литературе, если б не одно обстоятельство, круто изменившее его судьбу: в 1824 году ему повезло обнаружить на любекских кораблях большую партию контрабанды. За это он был награжден крупной премией (2000 рублей), которую решил пустить в дело: издать на эти деньги альманах. К слову сказать, издание альманаха сулило не только коммерческую выгоду, а было де-

лом, так сказать, статусным. В январе 1824 года болгаринские «Литературные листки» сообщали, что «издатели *Полярной Звезды* имели счастье поднести по экземпляру сей книжки Их Величествам Государыням Императрицам, и удостоились Высочайшего внимания. К.Ф. Рылеев получил два бриллиантовые перстня, а А.А. Бестужев золотую прекрасной работы табакерку и бриллиантовый перстень»¹². Подносил императорской фамилии свой альманах и Аладьин. Если в первый год он был удостоен лишь благоволения, то за следующие альманахи также получал и перстни, и табакерки¹³.

По всей видимости, альманах собирался весьма спешно, и почти никто из литераторов и журналистов о затее Аладьина не был осведомлен, иначе сведения о нем неизбежно просочились бы в печать. Первое упоминание о новом альманахе находим в письме А.Е. Измайлова к П.Л. Яковлеву от 19 декабря 1824 года:

«Невский альманах», издаваемый неким Аладьиним, служащим под начальством Д.М. Кн<яжевича> по питейной части, выдет к масленице. Будут и тут очень хорошенькие пьесы. Я дал Аладьину кучу старинных, забракованных цензорами пьес, в том числе довольно изрядных и даже хороших. Почти все одобрены к напечатанию!! Вот как все со временем переменяется¹⁴.

Это пишется спустя две недели после того, как альманах прошел цензуру (4 декабря 1824 года) и, следовательно, когда основной его состав был известен. Кроме прозаических и поэтических сочинений самого издателя, основную его часть действительно составили стихотворения, как будто сошедшие со страниц «Благонамеренного». Были в нем и стихи известных литераторов (Вяземского, Ф. Глинки, В. Панаева, Михаила Дмитриева — за подписью: М.Д.; замечу, что этот криптоним в указателе Н.П. Смирнова-Сокольского не раскрыт), однако это почти всё перепечатки. Несколько стихотворений дал сам Измайлов, не отказавшись, впрочем, от публикации их в ближайших номерах своего журнала; довольно значительным был вклад Бориса Федорова. Но, пожалуй, центральным материалом книжки было ставшее знаменитым еще до публикации «Послание к N.N. О наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» Д.И. Хвостова, изданное также отдельной брошюрой почти одновременно с «Невским альманахом».

Альманах вышел в свет 5 февраля¹⁵, 10 февраля появилось краткое объявление о его продаже¹⁶, и в тот же день в «Северной пчеле» был опубликован первый отклик на него за подписью «Н.Н.». Отклик этот настолько любопытен, что позволю себе процитировать значительную его часть:

...пока любители Словесности ожидали выхода в свет *Полярной Звезды*, г. Аладьин издал при всех Газетах и афишах объявление о скором выходе *Невского Альманаха* по подписке

по подписке, обещая представить сочинения Пушкиных, Крыловых, В.А. Жуковского и проч. — На маслянице появился наконец альманах г. Аладына, и мы не нашли в нем ни произведений И.А. Крылова, ни А.С. Пушкина, ни В.А. Жуковского, но за то отыскали огромную провизию сочинений в стихах и прозе самого Издателя, г. Полевого, Б.М. Федорова, многих неизвестных Авторов и несколько стихов, перепечатанных из разных Журналов. К удивлению нашему, встретили мы в сем ларчике и несколько почтенных имен в Словесности, и приписываем это необыкновенной благосклонности и добродушию наших Литераторов¹⁷.

Очевидно, номер «Северной пчелы» с этой рецензией Пушкин получил почти одновременно с альманахом. Его реакцию было предсказать нетрудно; в письме брату от 23 февраля 1825 года находим такие строки: «Здесь письмо к Изд.<ателю> или Пиздателю Н.<евского> А.<льманаха><, > прочитай его да доставь. Он каналья, лжет на меня в афишках да мне присылает свое вранье — добро!»¹⁸ Начиная с первых комментированных изданий пушкинской переписки эта фраза поясняется с помощью приведенной выше цитаты из рецензии «Северной пчелы». Пушкин поверил Булгарину; поверили ему и позднейшие комментаторы. Однако есть все основания полагать, что булгаринский отзыв был точно рассчитанной провокацией с целью уничтожить прямого конкурента. Потому что никаких объявлений о «Невском альманахе» до его выхода в газетах не появлялось.

Первый (и единственный) развернутый анонс «Невского альманаха» появился в первом номере журнала «Благонамеренный», вышедшем в самом начале января. Он содержался в написанной А.Е. Измайловым, но опубликованной анонимно заметке «Об алманахах на 1825 год»¹⁹, где после анонсов «Русской старины», «Русской Талии», «Северных цветов» и «Полярной звезды» сообщалось следующее:

И еще выйдет алманах: *Невский Алманах, издаваемый Е. Аладыным*. В этом альманахе, который уже печатается и отпечатается к концу нынешнего месяца, помещены будут разные новые сочинения в стихах и в прозе Гг. Пушкиных, Князя Вяземского, М.А. Дмитриева, Ф.Н. Глинки, А.А. Крылова, Баратынского, Панаева, Князя Цертелева, Княжевичей, Рындовского, Федорова, Маркова, А. Измайлова и проч. Издание сие будет напечатано в малый формат на хорошей бумаге и украшено картинками и нотами²⁰;

далее объявлялось о том, где можно на него подписаться. Глухое упоминание о «Невском альманахе» есть и в первом номере «Московского телеграфа», который вышел 8 января: «По объявлению знаем еще *о рождении Невского Альманаха*»²¹.

Анализируя анонс «Благонамеренного», можно отметить две вещи. Во-первых, это не официальное объявление издателя, и формально

Аладьин не мог нести ответственность за информацию, которая им не была санкционирована. А во-вторых, если посмотреть на список упомянутых Измайловым литераторов, то нельзя не увидеть, что почти все они действительно присутствуют на страницах первой книжки «Невского альманаха». Мы не смогли найти только стихов Александра Абрамовича Крылова и Федора Михайловича Рындовского, но нельзя исключать того, что они опубликованы анонимно, как и того, что их все же не пропустила цензура, а Измайлов не был поставлен об этом в известность. Смущает, конечно, присутствие в списке Измайлова «гг. Пушкиных»; однако издатель мог сослаться на то, что опубликовал Василия Пушкина и собирался поместить какое-либо сочинение еще здравствовавшего Алексея Михайловича Пушкина, но по каким-то причинам не смог.

Скептик, конечно, будет обязан задать вопрос: пусть Аладьин не печатал объявлений о «Невском альманахе» в газетах, но это не значит, что не было отдельно изданных афиш, где среди сотрудников упоминались бы и А.С. Пушкин, и И.А. Крылов, и В.А. Жуковский. Поскольку коллекций афиш, насколько мне известно, в крупнейших книгохранилищах нет²², а цензурные материалы за 1824–1825 годы сохранились далеко не полностью и не систематизированы, ответить на этот вопрос однозначно невозможно. Но некоторые факты говорят о том, что Аладьин все же таких афиш не заказывал. Если предположить обратное, то тогда очень сложно объяснить, почему до самого выхода «Невского альманаха» о нем не упоминалось ни в одном анонсе готовящихся к выходу альманахов, рядом с «Полярной звездой», «Северными цветами», «Русской Талией» и «Русской стариной»? Почему о нем не упомянул «Русский инвалид» Воейкова, постоянно сообщавший любые новости книжного рынка? И, наконец, самое любопытное. Ровно за два дня до выхода «Невского альманаха» и за неделю до публикации цитированной выше рецензии «Северная пчела» печатает окончание статьи «Письмо в Москву, к Петр. Александр. Мух-ву», подписанное «Д.Р.К.»²³ и содержавшее весьма многозначительное признание: «Альманахов у нас появилось к Новому году три: *Русская Старина*, *Северные Цветы* и *Русская Талия*. <...> Любезная твоя *Полярная Звезда* печатается и выйдет к Святой неделе. О *Невском альманахе* не говорю, ибо не знаю, кто Издатель и его сотрудники»²⁴. Согласитесь, что едва ли можно было такое сказать про издание, объявления о котором с упоминанием в качестве сотрудников А.С. Пушкина, И.А. Крылова и В.А. Жуковского были якобы «изданы во всех газетах и афишах».

Спору нет, литературные достоинства альманаха Аладьина были весьма невысоки, и на фоне «Полярной звезды» или «Северных цветов» он безнадежно проигрывал²⁵. Однако Булгарин не ограничился его отрицательной оценкой, а пошел, по сути, на прямой подлог. Думаю,

издателю

издателю «Русской Талии» и ближайшему другу издателей «Полярной звезды» было важно прежде всего дискредитировать Аладына в глазах литераторов, выставить его человеком непорядочным и нечистоплотным, с которым нельзя иметь дело, и сделано это было именно потому, что он увидел в «Невском альманахе» опасного конкурента. Ведь, несмотря на незначительность содержания, аладынский альманах был издан чисто и опрятно, а самое главное — стоил дешевле запаздывающей «Полярной звезды» и значительно дешевле уже вышедшей «Русской Талии». Если последняя стоила 12 рублей (с пересылкой), альманахи Рылеева–Бестужева, Дельвига и Корниловича — по 10 рублей (без пересылки), то «Невский альманах» — всего 8 рублей с пересылкой. Нет сомнения, что это сыграло немалую роль в его успехе у читающей публики: 19 февраля А.Е. Измайлов сообщал П.Л. Яковлеву, что «„Невской альманах“ дрянной, но и тот хорошо разбирают»²⁶, а 11 мая — что Аладын хочет издавать его и на будущий год²⁷. Получается, что уже через три месяца альманах принес издателю такой барыш, что он заранее без колебаний решил продолжать это дело.

Но вернемся к рецензии «Северной пчелы». Как видим, расчет Булгарина оказался точным: он сумел задеть Пушкина за живое. Поэту, пытающемуся выстроить правовые отношения с журналистами и книготорговцами, постоянно страдающему от контрафактных перепечаток и несанкционированного распространения его неизданных сочинений, была невыносима мысль, что его имя в корыстных целях использует неведомый литературный спекулянт. До нас не дошло письмо Пушкина Аладыну, но о содержании его догадаться нетрудно. Тем удивительнее, что в «Невском альманахе на 1826 год» все же появилось одно пушкинское стихотворение — то самое, которое было приведено выше. Конечно, немалую роль тут сыграли и финансовые соображения: в письме от 17 января 1826 года Л.С. Пушкин сообщает С.А. Соболевскому, что «вся годовая сумма Полевова равняется с платой, которую предлагает мне Аладын за одну пьесу брата»²⁸. Но вряд ли Пушкин стал бы сотрудничать с Аладыным даже на самых выгодных условиях, если бы тот не смог перед ним оправдаться. И это еще один аргумент в пользу того, что слова Булгарина о «всех газетах и афишах» были блефом.

Остановимся теперь на проблеме датировки стихотворения «Примите „Невский альманах“...». Очевидно, что оно было написано не ранее получения альманаха на 1825 год (то есть середины февраля) и не позднее даты цензурного разрешения альманаха на 1826 год (7 октября). В упомянутой выше статье В.П. Старк высказал гипотезу, что стихотворение не могло быть написано позднее конца марта, опираясь на следующие факты. Известно, что Пушкин в середине 20-х годов крайне негативно реагировал как на критические замечания в адрес Жуковского, так и на попытки пародирования его произведений — тому сохранились

многочисленные свидетельства. А в «Невском альманахе на 1825 год» было напечатано стихотворение Н.А. Полевого «Книжная лавка», пародирующее знаменитое «Сельское кладбище». И хоть в этой пародии не было ничего обидного для Жуковского, Пушкин поначалу счел себя оскорбленным. Но уже в четвертом номере «Московского телеграфа» Полевой к своей рецензии на «Невский альманах», подписанной псевдонимом²⁹, сделал приписку уже прямо от себя:

По просьбе Издателя Невского Альманаха и не зная еще, что за Альманах готовится, я послал к г. Аладыну одну статью в прозе — *Удовольствия ума и сердца*, и перевод Ламартиновых стихов: *Уныние*; ни под которой из сих статей не было выставлено мое имя, ибо прозаическая статья есть перевод из известной книги И. Дроза: *Essai sur l'art d'être heureux*, а стихи переведены мною давно, и ныне, отказавшись совершенно от Поэзии, я не решался подписаться под переводом стихов Ламартина. К удивлению моему, Издатель не только под обеими статьями подписал мое имя, но без моего ведома и позволения напечатал давно забытую мною, вздорную пародию — *Книжная лавка*. Что сделано, того не воротить, но я прошу г. Издателя избавить меня вперед от вольного или невольного участия в его литературных предприятиях³⁰.

Номер «Московского телеграфа» с этим объяснением Пушкин получил во второй половине марта; 27 марта он писал Л.С. Пушкину, что «Телеграфом очень доволен»³¹, а немного позднее сообщал П.А. Вяземскому: «...я было на Полевого очень оцетинился за Невск.<ий> Альм.<анах> и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился»³². Согласно логике В.П. Старка, «„сменив гнев на милость“, Пушкин не стал бы задевать Полевого, значит, стихи написаны до получения поэтом журнала „Телеграф“. Таким образом <...> можно говорить о том, что послание было написано <...> не позднее 27 марта, когда Пушкин изменяет свое отношение к Полевому, познакомившись с его „Телеграфом“»³³.

К этим соображениям мне бы хотелось добавить еще одно. На мой взгляд, пушкинское ироничное послание обнаруживает прямую связь с другим его стихотворением, которое пишется примерно в то же время. Я имею в виду такой известный шедевр, как «Желание славы». Напомню, что «Желание славы» было начато Пушкиным еще в ноябре 1823 года в Одессе, но не закончено и брошено в таком виде, что о дальнейшем развитии лирического конфликта можно было только догадываться; и лишь в начале 1825 года, уже в Михайловском Пушкин снова обращается к нему, заканчивая не позднее 15 мая. Фрагмент строки последней редакции стихотворения находится на л. 65 тетради ПД № 835, на обороте листа — черновик письма А.С. Шишкову, датированный 1 марта — 15 апреля³⁴. При внимательном чтении нельзя не заметить, что, несмотря на всю внешнюю несхожесть, «Желание славы» и «Примите „Невский альманах“

альманах“...» объединены одним мотивом: «счастье любовника» противопоставляется «славе поэта». Но если в первом этот конфликт предстает в виде глубокой душевной драмы, то во втором он иронически снижен, отчего стихотворение приобретает оттенок утонченного издевательства. Хотя поэт и объявляет неприступной красавице, что попасть в ее сердце дороже для него славы мира, но тут же сравнивает его с ничтожным альманахом, в котором он сам не печатается и печататься не собирается. Здесь блестяще используется «минус-прием»: вместо своих стихов Пушкин дарит их отсутствие, ссылаясь на то, что они «скользнули в Лету», и предлагая насладиться взамен творениями своего дядюшки.

Сложно сказать, поняла ли истинный смысл та, кому было адресовано это послание-эпиграмма³⁵: едва ли она была посвящена в тонкости литературных полемик и в отношения между Пушкиным, Булгариным и Аладиным. Само же оружие было изготовлено столь мастерски, что спустя три года оно почти без перекалибровки было обращено против еще одного пушкинского оппонента — И.Е. Великопольского. Но эта тема уже выходит за рамки настоящей статьи.

примечания

- 1 См.: *Старк В.П.* Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н.Н. (Примите „Невский Альманах“») // *Временник Пушкинской комиссии.* 1978. Л., 1981. С. 116–125.
- 2 О ситуации, побудившей Пушкина вновь обратиться к этому стихотворению и перепечатать его с указанными поправками, см.: *Модзалевский Б.Л.* И.Е. Великопольский (1797–1868) // *Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928).* СПб., 1999. С. 367–371; *Зиссерман П.И.* Пушкин и Великопольский // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования.* Л., 1930. Вып. 38–39. С. 266–269.
- 3 В Большом академическом полном собрании сочинений Пушкина, где текст этого стихотворения готовил Д.Д. Благой, по сути, произведена контаминация двух редакций: основной текст печатался по «Стихотворениям» 1829 года, строка про Полевого — по первой публикации (см.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 421; Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 1167).
- 4 *Плетнев П.А.* Северные цветы // *Труды Вольного общества любителей российской словесности.* 1825. Ч. XXIX. Кн. I. С. 85–86.
- 5 См.: *Вацуро В.Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига–Пушкина. М., 1978. С. 7; *Рейтблат А.И.* Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // *Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацуро.* М., 1995–1996. С. 177.
- 6 См.: *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. (Книжная лавка А.Ф. Смирдина). М., 1929. С. 190–191.
- 7 *Поэты 1790–1810-х годов.* Л., 1971. С. 417.
- 8 *Кеппен П.И.* О выгодах и правах российских писателей // *Московский телеграф.* 1826. Ч. VIII. № 7. С. 210–211; подпись: П.К. (в том же году вышел отдельный оттиск). Об авторстве см.: *Куник А.А.* Литературные труды П.И. Кеппена // *Записки Императорской академии наук.* 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 138. В современной росписи содержания «Московского телеграфа» (см.: *Попкова Е.А.* *Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым: Указатель содержания / 2-е изд.* Саратов, 1990. Вып. 1: 1825–1828. С. 75), автором этой статьи ошибочно назван Н.А. Полевой.
- 9 Подробнее об этом см.: *Вацуро В.Э.* *Указ. соч.* С. 6–8.
- 10 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 128, 134, 147; дата последнего письма уточнена в изд.: *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М.А. Цявловский; 2-е изд., испр. и доп.* Л., 1991. С. 507–508.
- 11 Возможно также, что к своей посылке Аладин приложил письмо с приглашением

- к сотрудничеству; ср. письмо Н.М. Языкова к А.М. Языкову от 24 мая 1825 года: «Не знаю, что мне делать с Аладиным. На сей почте получил я от него Невск<ий> Альман<ах>, с письмом издателя, который просит моих стихов для следующего; я обязан Князевичу этим Verlegenheit. И что мне за охота отличаться в конюшне? и что за знакомство с Аладиным? Его мне даже досадно» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. и с объяснительными примеч. Е.В. Петухова. СПб., 1913. С. 187).
- 12 Литературные листки. 1824. Ч. 1. № II. С. 64.
- 13 Сообщено А.А. Карповым.
- 14 Цит. по: *Левкович Я.Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е. Измайлова к П.Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 166.
- 15 См. письмо А.Е. Измайлова к П.Л. Яковлеву от 6 февраля 1825 года: «Вчера только вышел Невской Алманах, в котором по крайней мере половина стихов, доставленных издателю через меня и забракованных прежде Цензором. Этот Невский Алманах несравненно хуже *Северных Цветов* и *Полярной Звезды*, однако не так дурен. Есть довольно дрянцы, но есть и порядочное» (ИРЛИ. № 14163. Л. 78 об.).
- 16 Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 12. 10 февр. 1-е приб. С. 147. Ошибочная дата объявления о продаже (2 февраля) указана в изд.: *Боратынский Е.А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 273.
- 17 *Н.Н.* Невский Альманах на 1825 год... // Северная пчела. 1825. 10 февр. № 18.
- 18 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 147; уточнено по автографу: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 1261. Л. 49 об.
- 19 Об авторстве Измайлова см. его письмо к П.Л. Яковлеву от 23 декабря 1824 года: «Три листка 1-го № Благонамеренного уже отпечатаны; 4-й набран — 5-й листок наберется на третий день праздника и к 1 января выдет первый номер. Остается только написать страничку три, четыре о новых алманахах, что и сделаю непременно сегодня, или завтра вечером» (ИРЛИ. № 14163. Л. 65).
- 20 Благонамеренный. 1825. Ч. 29. № 1. С. 45.
- 21 Московский телеграф. 1825. Ч. I. № 1. Прибавление. С. 5. Сложно сказать, какое именно объявление имеется в виду, но очевидно, что первый номер «Благонамеренного» к этому времени до Москвы дойти успел. Отметим также, что Полевой не мог не быть осведомлен об издании «Невского альманаха», поскольку являлся одним из его участников (об этом см. ниже).
- 22 Среди афиш, прикладывавшихся к номерам «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», объявлений о «Невском альманахе» не обнаружено.
- 23 Кто скрывался под этим псевдонимом, неизвестно; но в любом случае это был человек из ближайшего круга «Северной пчелы» (возможно, сам Булгарин). Обзор существующих мнений см.: Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827 / Под ред. В.Э. Вацура, С.А. Фомичева. СПб., 1996. С. 423–424 (примеч. Е.В. Лудиловой).
- 24 Д.Р.К. Письмо в Москву, к Петр. Александр. Мух-ву (окончание) // Северная пчела. 1825. 3 февр. № 15. Характерно, что еще в самом конце 1824 года болгаринский круг не знал о скором выходе «Невского альманаха»: в первой статье цикла «Письма на Кавказ» (подпись: Ж.К.), датированной 20 декабря 1824 года и содержащей в том числе анонс новых альманахов, о нем не упоминается (см.: Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 1. С. 58; об авторстве см.: Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. С. 423). Ср.: Литературные листки. 1824. Ч. 4. № 23 и 24. С. 180–181.
- 25 «Невский альманах» был скептически упомянут в анонимной (очевидно, принадлежащей П.П. Свиньину) статье «О Петербургских Альманахах. Письмо к Князю Н.А. Щертелеву» (Отечественные записки. 1825. Ч. 22. Май. № 61. С. 295; ср.: Там же. 1826. Ч. 25. Февр. № 70. С. 340–341); очевидно, в него метит эпиграмма «Дамского журнала» под названием «Новый Альманах»: «В суждениях моих я истинно не скор; / О новом же скажу я Альманах слово, / Что в нем хорошее не ново; / А новое... признаться, суший вздор» (Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 7 (апр.). С. 26; подпись: К. и П.; дата: 20 февраля 1825; отметим, что именно 20 февраля известие о продаже «Невского альманаха» было опубликовано в «Русском инвалиде»). Об отклике «Московского телеграфа» см. ниже; «Сын отечества» обошел альманах Аладина ироничным молчанием (ср.: Сын отечества. 1825. Ч. 100. № 5. С. 67).

- ²⁶ Цит. по: *Левкович Я.Л.* Указ. соч. С. 170.
- ²⁷ См.: ИРЛИ. № 14163. Л. 98 об.
- ²⁸ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 730.
- ²⁹ Написана совместно с П.А. Вяземским; см.: *Гиллельсон М.И.* Указатель статей и других прозаических произведений П.А. Вяземского с 1808 по 1837 год // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. 1963. Вып. 58. С. 316.
- ³⁰ Московский телеграф. 1825. Ч. I. № 4. С. 338–339.
- ³¹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 158.
- ³² Там же. С. 159–160 (письмо от конца марта — начала апреля 1825 года).
- ³³ *Старк В.П.* Указ. соч. С. 121.
- ³⁴ См.: *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина.* 1799–1826. С. 511.
- ³⁵ В настоящем сообщении мы не ставили задачу выяснения возможного адресата послания, однако не можем полностью обойти этот вопрос молчанием. В упомянутой выше статье В.П. Старк на основании косвенных данных о возможном родстве Княжевичей и Вульфов предложил в качестве адресата пушкинского послания Анну Николаевну Вульф. Если даже факт этого родства будет докумен-

тально подтвержден, то, на наш взгляд, исходя из контекста отношений поэта с обитательницами Тригорского, более вероятным адресатом стихотворения следует считать Евпраксию Николаевну Вульф. Однако исследователю остался неизвестен тот факт, что П.В. Анненков располагал письмом Пушкина, содержащим полный текст первоначальной редакции послания, по которому и раскрыл завуалированные в альманашной публикации имена: «По одному письму Пушкина мы узнаем, что точки должны были читаться: „Маркова, Княжевич дальний ваш родня“» (*Пушкин А.С.* Соч. СПб., 1855. Т. 2. С. 412). Скорее всего, это письмо и было обращено к загадочной «Н.Н.», а поскольку у Пушкина едва ли была нужда обращаться письменно к ближайшим соседям, которых он посещал почти каждый день, то адресата послания следует искать за пределами Тригорского. Отметим также, что об этом стихотворении не упомянули в беседах и переписке с первыми биографами Пушкина ни П.А. Осипова, ни А.П. Керн, в памяти которых сохранились куда менее значительные и куда более нелицеприятные факты общения Пушкина с семьей Осиповых-Вульф.

Пермяковский сборник Часть 2